

УДК 811.161.1'37

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО «ЧУДО»
КАК ЦЕНТР ОДНОИМЕННОГО
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ О. А. НИКОЛАЕВОЙ)**

О. Н. Козлова

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

В статье словообразовательное гнездо «Чудо» трактуется как центр лексико-семантического поля; рассматриваются наиболее частотные представители этого гнезда в рассказах О.А. Николаевой; фиксируется значимость чуда для религиозного сознания, чем объясняется частотность лексемы в произведениях духовной прозы.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, словообразовательное гнездо, духовная проза, О. А. Николаева, сборник «Небесный огонь».

Лексико-семантическое поле (ЛСП) – один из наиболее продуктивных способов группировки лексики. По оценке исследователей, «ЛСП являются наиболее адекватным методом членения словарного состава и открывают широкие возможности для исследования лексики любого языка» [4, с. 177]. В настоящее время актуально исследование ЛСП в поэтических и прозаических художественных текстах (см., например: [7]) Группировка лексики по полемому принципу позволяет выявить семантические доминанты произведения [3], проанализировать и смоделировать картину мира автора и персонажей, реконструировать их языковые личности. Семантическое поле, построенное на материале текстов одного автора, является «отображением (фрагмента) индивидуальной картины мира, с индивидуальными семантическими параметрами и лексиконом, характерным именно для данного текста / данного лица» [2, с. 64].

В прозе О. А. Николаевой, ассоциирующейся с литературой «духовного реализма», основывающейся на ценностях православной веры, одним из ключевых ЛСП является «Чудо», которое содержит ядро, вербализованное лексемой *чудо*, и центр, включающий словообразовательное гнездо с вершиной в этом слове. Цель данной статьи – рассмотреть это словообразовательное гнездо как центр одноименного ЛСП. Русское словообразование при этом выступает в одном из новых исследовательских аспектов – лингвокультурологическом (ср.: [1]). В качестве материала использованы рассказы Николаевой из сборника «Небесный огонь».

В рассказах этого сборника лексемы словообразовательного гнезда «Чудо» весьма многочисленны. Слова с корнем *-чуд-* встречаются в 36 произведениях сборника, который включает пятьдесят рассказов и одну повесть. Словоупотреблений – 92. Самые частотные – лексемы *чудесный* (32 словоупотребления), *чудо* (22), *чудотворный* (14), *чудотворец* (7), *чудный*, *чудесно*, *причудливый* (по три), *причудливо*, *чудодейственный*, *чудить*, *чудик*, *чудом*, *чудовищный*, *чудище* (по одному).

ЛСП представляет собой разветвленную систему, способную включать разнокорневые репрезентанты различных частей речи. В данной работе мы ограничи-

ваемся рамками одного сборника и рассматриваем не всё ЛСП «Чудо», а лишь находящееся в центре одноименное словообразовательное гнездо. Чем дальше лексемы находятся от центра, тем слабее семантические связи с исходным словом. Следовательно, в поле нашего внимания попадают слова, наиболее сильно деривационно и семантически связанные с дескрипторной лексемой. Сосредоточим внимание на трех наиболее частотных лексемах – *чудо*, *чудеса*, *чудотворный*.

Лексема *чудо*, являющая исходным словом гнезда и дескриптором всего ЛСП, не самая частотная, хотя все производные семантически обусловлены и мотивированы ею. В Малом академическом словаре фиксировано пять значений сущ. *чудо*, в сборнике «Небесный огонь» наиболее частотно первое: «По религиозным и мифологическим представлениям: сверхъестественное явление, вызванное вмешательством божественной, потусторонней силы» [6, с. 691]. Это значение реализуется в разнообразных контекстах, например, в рассказе «Про любовь» героиня так отреагировала на неожиданную встречу её мужа с почитаемым ими старцем Антонином: «Я заплакала. Это было настоящее *чудо*, милость Божия!» [5, с. 328] (здесь и далее в цитатах ключевые слова курсивом выделены мною. – О. К.). *Чудо* и *милость Божия* выступают в качестве контекстуальных синонимов, подчеркивая значимость события для героев: это не просто случайная встреча, для верующего – это ответ на искреннюю духовную жажду, который воспринимается как драгоценный дар.

В рассказе «Эксперимент» кандидат биологии утверждает: «Все равно, я верю в естественные законы природы и, пока *чуда* сверхъестественного не увижу, не поверю. И точка» [Там же, с. 400]. И только когда Господь явил ему чудо – спасение в авиакатастрофе, когда все остальные погибли, он осознал, что «если он выжил, то это Бог его спас» [Там же, с. 402].

Подобную ситуацию пережила героиня рассказа «Ангел», попавшая в автомобильную аварию, но избежавшая серьезных повреждений. Она осознала: «Со мною произошло настоящее *чудо*, и душа переживала торжество, не силах до поры это вместить и осознать. Особенно поразил меня этот отчетливо прозвучавший голос: “Не бойся! Не бойся! Не бойся!”» [Там же, с. 600].

Как видим, *чудо* в первом значении у Николаевой, как правило, – какое-то значительное, желаемое внешнее событие, серьезно влияющее на духовную жизнь персонажа. И встреча со старцем, лекции которого герои слушали в записи, и чудесные спасения в катастрофах явились Божьими знаменами, подтверждающими, а в некоторых случаях и утверждающими веру в Его могущество.

Второе значение («Нечто небывалое, необычное, то, что вызывает удивление» [6, с. 691]) репрезентируется реже, обычно в случае множ. числа *чудеса*. Как следует из словарного толкования, божественная природа явления не подчеркивается. Так, в «Августине» сущ. *чудеса* выражает отношение рассказчика к необычным приключениям монаха-самозванца: «А недавно кто-то из наших видел его в самой лавре. Якобы он расхаживал там в подряснике и выдавал себя за монаха Августина. *Чудеса!*» [5, с. 472].

Прил. *чудесный* в рассказах Николаевой реализует три значения. В значении «совершающий чудеса, чудотворный» [6, с. 690] лексема *чудесный* встречается, например, в следующих контекстах: «Есть много рассказов о *чудесной* силе его молитвы» («Повелитель дождя») [5, с. 235]; «Наконец наступили новые времена, и Вася приехал со своей *чудесной* иконой в Москву («Голодарь») [Там же, с. 284]; «О *чудесной* помощи Трифона – мученика я слышала много историй» («Трифон-мученик») [Там же, с. 296].

В приведенных контекстах прил. *чудесный* употребляется со словами, обозначающими важные в православии понятия: сила молитвы, икона, помощь святого. Частотность первого значения объясняется общим пафосом рассказов Николаевой. Каждый из них – история общения человека и Бога. Это общение через посредников – святых людей и чудесные предметы – является главным событием в духовной жизни христианина, поэтому ему уделяется особое внимание.

Значение прил. *чудесный* «являющийся чудом <...>; заключающий в себе чудо» [6, с. 690] также неоднократно встречается в сборнике. Например, в рассказе «У блаженной Ксении»: «Я вас и к расстрелянному образу Спасителя подведу. Это большевики по нему дали очередь, да так и оставили здесь. А от него – *чудесные* исцеления теперь бывают тем, кто попросит с верою» [5, с. 274]. В «Досточке»: «Но, возможно, если он попал тогда к старцу Кириллу, то понял, Кому надо возносить благодарственные молитвы за свое *чудесное* спасение» [Там же, с. 291]. Приведенные примеры иллюстрируют результат соприкосновения с высшими силами – исцеление, спасение, то есть материальное доказательство существования Бога, силы христианской веры. В таких явлениях наиболее ярко проявляется сила и слава Бога.

Второе значение прил. *чудесный* ‘волшебный, полный чудес’ представлено в нескольких контекстах. В рассказе «Цветы для плащаницы» и в двух других *чудесный* в этом значении ассоциируется с некоей *историей*: «Возвращались они, исполненные света и радости, и рассказывали такие *чудесные истории*, что мне, конечно, тоже очень хотелось поехать к нему» [Там же, с. 248]. Как правило, эти истории повествуют о чудесах, свершившихся с помощью православной веры.

Значение прил. *чудесный* ‘прекрасный, удивительный по красоте, очень хороший’ реализовано во многих контекстах, например: «Их-то я и везла с собой в Печоры, поскольку останавливаться мы собирались у одной *чудесной*, но очень бедной монахини, и мне хотелось не то что даже не обременять ее нашей кормежкой, а еще и подкинуть ей продуктов» («Халва») [Там же, с. 489]. В рассказе «Подвески королевы»: «Так, у меня была *чудесная* белая английская шубка, подаренная мне нашим другом – английским корреспондентом Тони Робинсоном» [Там же, с. 311]. В приведенных фрагментах *чудесный* лишь характеризует высокое качество предмета, но никак не подчеркивает отношение его к *чуду* в первом значении.

Прил. *чудотворный* выражает два словарно фиксированных значения, наиболее частотно первое: «Обладающий способностью, по религиозным представлениям, совершать чудеса» [6, с. 692]. Из 14 словоупотреблений 11 раз эта лексема выступает в словосочетании *чудотворная икона*. Например, в рассказе «Не знаете, чего просите»: «Узнав, что есть такой чудный святой – Трифон-мученик, которому молятся, прося его именно о замужестве, она стала ходить в храм Знамения Божией Матери, где была его *чудотворная икона*, и заказывать ему молебны» [5, с. 338].

Рассмотрев центр ЛСП «Чудо» – ключевые слова одноименного словообразовательного гнезда, приходим к следующим выводам.

Лексема *чудо* чаще всего выступает в первом значении «сверхъестественное явление, вызванное вмешательством божественной, потусторонней силы», и производные прил. *чудесный*, *чудотворный* мотивированы именно им. Следовательно, для героев сборника «Небесный огонь» чудо – любое событие, не поддающееся разумному объяснению, случайное совпадение, удивительное спасение и т. п. С точки зрения верующих в Бога персонажей, эти события одновременно и логичны (свидетельство существования Бога, укрепление веры), и удивительны (милость и дар от Бога). Каждый рассказ – свидетельство того, что с верой возможно все, и доказательства этого иногда приходят через *чудесные* или *чудотворные* предметы.

Лексико-семантическое поле «Чудо» в рассказах Николаевой представляет собой обширную разветвленную сеть, включающую разнокорневые репрезентанты различных частей речи, так как чудо – одна из главных тем творчества этого автора. Реконструкция ЛСП «Чудо» в его полном объеме, с учетом не только морфемно-словообразовательных, но и других семантических связей, – задача будущего.

Список литературы

1. Волков В. В. Аспекты изучения русского словообразования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2004. № 1. С. 84–88.
2. Волков В. В. Основы филологии. Антропоцентризм, языковая личность и прагматилистика текста : курс лекций / Тверской гос. ун-т. Тверь, 2013. 147 с.
3. Волков В. В., Волкова Н. В. Семантическая доминанта и семантическое поле как опорные единицы анализа художественного произведения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 279–283.
4. Куренкова Т. Н. Лексико-семантическое поле и другие поля в современной лингвистике // Сибирский журнал науки и технологий. 2006. № 4 (11). С. 173–178.
5. Николаева О. А. «Господи, что с нами будет?» и другие рассказы. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2017. 704 с.
6. Словарь русского языка : В 4 т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. Т. 4. М.: Рус. яз., 1984. 794 с.
7. Тюрин В. Б. Лексико-семантическое поле «Родина» в лирике Н. М. Рубцова: общий взгляд // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2013. № 3 (13). С. 71–77.

WORD-FORMATION NEST “MIRACLE” AS A CENTER OF A HOMONYMOUS LEXICAL-SEMANTIC FIELD (ON THE MATERIAL OF STORIES OF O. A. NIKOLAEVA)

O. N. Kozlova

Tver State University
the Department of Russian Language

The article analyzes the word-formation nest “Miracle” as the center of the lexical-semantic field; the most frequent representatives of this nest found in the stories of Nikolaeva O. A. are considered. The significance of the miracle for religious consciousness is described, which explains its frequency in the works of spiritual prose.

Keywords: *lexical-semantic field, word-formation nest, spiritual prose, O. A. Nikolaeva, the collection “Heavenly Fire”.*

Об авторе:

КОЗЛОВА Ольга Николаевна – аспирант кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: kozlova.o.n@gmail.com.

About the author:

KOZLOVA Olga Nikolaevna – Postgraduate Student at the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: kozlova.o.n@gmail.com.